

В шестом классе Серёжа Ежов стал городским жителем. Он не просто обрёл город, он обрёл Тушино — и щемящая тоска от потери детского, деревенского волшебства утихла, а её заменил мегаполис с его головокружительной бездной возможностей, где Серёжа скоро почувствовал себя словно рыба в воде.

А ведь как страдал, когда видел в окно автобуса исчезающие в русском ничто контуры полузаброшенной лодочной станции неподалёку от их погреба, скрывшегося в огромных лопухах по самую крышу!

Серёжа жил в деревне с бабушкой, дедушкой и старшей маминной сестрой тётей Ларисой. Жил беззаботно и счастливо. Бегал с деревенскими мальчишками своего возраста купальный сезон открывать на «коровьем броду» в апреле, жёг костры на берегу реки Спас-Суходрев, которая хоть в ширину редко пяти метров достигала, но тянулась через всю область километров на сто с лишком, катался на санках в ледяных оврагах, спускающихся к полю, за которым простирались безбрежные калужские леса.

Его дедушка служил директором сельского клуба. Мужчина представительный, но пьющий. Со своим верным другом — кинемехаником дядей Борей — они частенько «закладывали за воротник», скрываясь от глаз бабушки в кинопроекторной будке. Порой они так увлекались беседами, что дядя Боря путал коробки с фильмами. Потом извинялся перед зрителями и мог дважды один и тот же фильм показать. Многим это нравилось. Особенно часто, даже и не могу предположить почему, показывали фильм с участием молодого Жан-Поля Бельмондо «Повторный брак». Скорее всего, дядя Боря на областной кинопрокатной базе «замылил» себе коробки с этим фильмом на чёрный день, когда совсем нечего будет показывать. Но людям это тоже нравилось. Сельская молодёжь даже копировала в разговорах всякие романтические фразочки из фильма. Типа: «Маркиза, я от любви горю, как папироса, соблаговолите потушить меня поцелуями!»

А малышня и того подавно — беспощадно истребляла лопухи своими воображаемыми саблями, чаще всего сделанными из сломанных черенков лопат.

Серёжа даже не успел толком попрощаться с друзьями, мама, вся на нервах, приехала в деревню на электричке в обед, а уже вечером они стояли в забитом вагоне такой же электрички. Его подташнивало, а мама как-то безнадежно смотрела в тёмное окно на своё отражение. Марина Юрьевна накануне въехала в свою комнату в двухкомнатной коммуналке, и мир, конечно, для неё ощутимо изменился.

Частью этого изменения стал двенадцатилетний Серёжа. Его папой, по словам мамы, был советский разведчик, который в условиях глубочайшей конспирации, под чужим именем нёс идеалы Коммунистической партии в тёмные головы западных обывателей. Разумеется, у него был пистолет. Тёмный или блестящий, мама толком не помнила. Но Серёжа свято верил, что однажды, когда он тоже будет советским разведчиком, а может быть, и резидентом, после кровопролитной погони он встретится с отцом в каком-нибудь тёмном уголке старого фашистского кладбища для передачи сверхсекретных данных. Раненый, пахнувший бензином и порохом отец обнимет его и скажет: «Беги, сынок,

я уже пожил!» — и сожмёт в руке упомянутый пистолет.

Вот что рассказал Серёжа, когда мама познакомила его с пожилой соседкой по коммуналке Лилией Ивановной. «Понятно», — сказала она, прикуривая очередную папиросу, и выразительно взглянула на маму, отчего та смутилась и пошла в свою комнату плакать.

Утром следующего дня Серёжа Ежов стоял перед одноруким жилистым дядькой Павлом Николаевичем — инвалидом-завучем.

— Ничего не бойся, — перекрикивая вопли детей, пробегающих мимо, напутствовал Павел Николаевич Серёжу. — Там тоже дети советские. Тем более район у нас пролетарский, обиду в себе держать не привыкли. Тушино — звучит гордо! — И втолкнул его в класс.

Шёл урок литературы. Урок вела Лариса Ивановна — женщина немолодая, но не терпящая, чтобы ей об этом напоминали, и влюблённая в свой предмет. Литература заменила ей личную жизнь. Она считала

своей главной задачей то же самое проделать с жизнями своих учеников, но школьная текучка не позволяла ей этого в полной мере. Половина педагогического коллектива, большей частью состоящая из одиноких женщин, относилась к своим обязанностям не менее ответственно.

— Почему ты молчишь? — спросила учительница у мальчика, застывшего в центре класса с портфелем в руках.

— Я не знаю, что надо говорить, — признался он.

— Назови своё имя, фамилию и возраст, — предложила Лариса Ивановна и представилась сама: — Вот я — Лариса Ивановна Володина, мне сорок, сука, лет! А тебе сколько?

— Мне двенадцать, — понял задачу Серёжа. — Я Серёжа Ежов, мне двенадцать лет, в декабре тринадцать будет.

— Садись вон туда, — указала линейкой в дальний угол класса учительница, — к Жабину. Он один сидит.

Мальчик послушно выполнил её распоряжение и сел за парту, на которую она ему указала. Вытащил из портфеля и разложил на парте пенал и учебники. Плотного

телосложения мальчик рядом первым протянул ему руку и шёпотом представился:

— Андрей Николаевич.

— Серёжа Ежов, Сергей Эдуардович Ежов, — с приветливой готовностью откликнулся Серёжа.

— Если меня по-другому звать будешь, я тебе зубы выбью, — неожиданно хмуро добавил сосед, — только Андрей Николаевич Жабин!

— Андрей Николаевич Жабин, но так же длинно! — удивился мальчик.

— Ничего, зато уважать будут. Хотя, конечно, длинно. Ладно! — Жабин махнул рукой. — Зови меня просто Андрей! Хочешь — Андрюха!

— Спасибо! — поблагодарил Серёжа. — И ты меня, как хочешь, зови! Как удобно.

— Ладно. Я буду тебя звать Дрищ. Вон ты какой дрищ! — оскалился Жабин, и Серёжа, кажется, понял, почему Андрей сидел один.

На перемене его подозрения подтвердили комсорг класса Хольда Перова по кличке Принцесса, потому что у неё папа был глава района, и находящийся у неё на исправлении Борька Пророк. Борька разбил

классный аквариум и два раза прогулял урок физкультуры. За это директор школы хотела его вообще из школы выгнать, но только зарождающаяся в их шестом классе комсомольская организация в лице Хольды — первой комсомолки — спасла мальчишку от этой суровой кары.

В первом классе Принцесса чуть не умерла — её сбил поезд. Девочка постоянно лежала в больнице и три раза оставалась на второй год. Поэтому, в отличие от всех своих одноклассников, по возрасту вполне подходила для комсомола. Да и человек, видимо, она была очень хороший, а если её кто и не любил, то боялся. Хольда ходила на стадион, в секцию хоккея на траве, и у неё было что предъявить любому хулигану. А с учётом, что в Тушино весь женский род традиционно боготворили, Хольда могла вообще никого не бояться. Однажды хулиган Славка из дома на улице Яна Райниса напился по поводу победы нашей хоккейной сборной над канадцами и вырвал трамвайную рельсу на повороте к седьмой детской больнице. Принцесса нашла его, убедила вернуть рельсу на место и выправить, чтобы трамваи и дальше

могли людей по утрам на работу развозить. Славка её послушал, извинился и рельсу как-то назад поставил. К нему быстренько со дворов пацаны подтянулись, трактор в соседней деревне надыбали. Хотя, конечно, очередное уголовное дело на него завели. Но он этого не боялся.

Славка ждал, когда труп Толика Колокола за гаражами найдут и убийство свалят на него. Он хоть и не убивал, но сдать того человека не мог по понятиям. Да и Толик последнее время «уплывал за берега» болезненно для всего района. Взял и своей девке ухо отрезал, а она — дочка начальника отдела милиции соседнего района. Чтобы не ссориться, Толика порешили, а сидеть выходило Славке. В этом настроении его и застала Хольда. Славка изумился мужеству шестиклассницы и с тех пор сердцем к ней прикипел. А когда его через год освободили, потому что сел тот, кому положено, Славка всему району дал понять, что Перова правильный человек и хулиганы должны её беречь и слушаться.

Родителям девочки — людям глубоко порядочным, членам партии — Николаю Афанасьевичу и его верной, вот уже

тридцать лет, спутнице жизни Елизавете Гавриловне эта романтика совсем не нравилась. Но они зря опасались — Хольда честно несла сначала гордое имя пионерки, потом и комсорга, хотя по умственному развитию умилительно соответствовала шестому классу, по возрасту должна была учиться в восьмом, а по внешнему виду удалась лучше некуда, так что парни себе шеи сворачивали, когда она поздней весной в школьной форме с ранцем по улице шла. Это идеально подходило для воспитательной работы, и девочка принимала самое активное участие в жизни несознательных школьников, попутно вступая с ними в дружбу, как с Борькой Пророком. Плюс ко всему Борька был в Принцессу влюблён и однажды на уроке химии учебной серной кислотой выжег у себя на запястье букву «о».

— Ты с Андрюхой осторожней, — предупредила на перемене Хольда новенького, — Жабa противный чувак! Он у всех деньги меняет.

— На что меняет? — поинтересовался Серёжа.

— На всё, — вклинился в разговор Борька. — У него даже колода с голыми бабами есть. И сигареты старшеклассникам он продаёт. У него папка дальнобойщик. В ГДР гоняет. Туда-сюда!

— Зачем ему столько денег? — удивился Серёжа.

— Говорят, что он хочет свой магазин открыть, — ответила комсорг.

— Как так?! — растерялся мальчик. — Разве можно свой магазин?

— Не знаю, — пожала плечами Хольда. — Типа сам делаешь и потом в своём магазине продаёшь. Как на рынке. Огурцы вырастил и продал. Или кабачки.

— Понял, — кивнул новенький и на следующем уроке шепнул деловому соседу: — Я тоже каждое лето с бабушкой картошку копал. Мозоли в кровь.

— Какую картошку? Какие мозоли? — неожиданно вскипел Андрюха. — Ты дурак, что ли?

Серёжа дико на него обиделся и ногой спихнул грубияна со стула, отчего тот загремел в проход и сильно ударился головой. Так, что даже из рассечённой брови кровь пошла.

— В принципе, ты прав, но в следующий раз попробуй сначала поговорить, — посоветовала ему Принцесса, когда Серёжа дождался маму из кабинета завуча.

Завуч что-то громко говорил за дверью, мама иногда тоже, но значительно тише. Ещё в кабинете была приглашённая завучем врача.

Всю обратную дорогу мама молчала, а дома посадила сына на диван и сказала:

— У меня никакой жизни нормальной нет, и у тебя не будет, если ты так себя будешь вести. Мы здесь с тобой чужие пока, сынок. И никакой ты не гидроцефал. Это наследственное. У твоего дедушки тоже была очень большая голова, хоть он читать и не умел.

Потом мама разрешила подключить к розетке купленный ею проигрыватель «Юность». Пластинка пока была одна. С четырьмя песнями Высоцкого. Особенно Серёже нравилась песня про коней, которые несли Владимира Семёновича к самому краю пропасти, а он отчаянно этого не хотел, но и не сопротивлялся особо.

На следующий день после уроков Хольда и Борька дожидались его за школой, у дырки в массивном чугунном заборе.

— Пойдёшь с нами плот строить? — с ходу предложил Пророк.

— Конечно, пойду, — обрадовался мальчишка. — Только я быстро портфель домой занесу и переоденусь.

— Добро, — похвалила его за понятливость девочка. — Мы тебя здесь ждём.

Серёжа бегом побежал домой. У его подъезда на двух табуретках стоял гроб, обитый блестящим бордовым сатином, в гробу мирно покоилась сухая старушка. Её живые подруги сбились в кучку под козырьком подъезда. К ним неторопливо подтягивались музыканты из духового оркестра, в одинаковых мятых чёрных костюмах.

Мальчишка прошмыгнул между живо скорбящими между собой старушками и побежал по лестнице домой, где быстро переоделся и съел оставленный мамой бульон с курочкой и вермишелью. Ел он на кухне, за своим столом. У окна стояла Лилия Ивановна и смотрела вниз на гроб. Смотрела и говорила вслух:

— Вот, Тамарочка, и всё! Николаич тебя уже заждался. Чего тянула? В пансионат даже ездила! Не тот сейчас дух в людях! Помирать не хотят.

Серёжа помыл за собой посуду и побежал обратно к друзьям. Звуки похоронного марша его застали на лестнице. Мальчик даже прыгал через ступеньки им в такт. Это его в конце концов и подвело. Ожидаемо, в нужный момент большие медные тарелки не соприкоснулись, Серёжа растерялся, остутился и покатился сквозь входную дверь прямо к табуретам, на которых стоял гроб. Один табурет он выбил, гроб перекосило, и покойница с жалобным шуршанием выскользнула из гроба прямо на асфальт. Вслед за старушкой из гроба высыпалась целая охапка орденов и медалей. Видимо, подруги, собиравшие Тамару в последний путь, не решились украшать её чёрное платье наградами прошлого и положили их просто у изголовья.

— Пошёл отсюда! — рыкнул на него дирижёр и принялся собирать награды, трубач и барабанщик вернули тело в гроб,